

АЛЕКСАНДР ЯРУШКИН
ЛЕОНИД ШУВАЛОВ

РИКОШЕТ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

ДЕЛО

Сибирский приключенческий роман

Леонид Шувалов

Рикошет (сборник)

«ВЕЧЕ»

1988

Шувалов Л. Ю.

Рикошет (сборник) / Л. Ю. Шувалов — «ВЕЧЕ»,
1988 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4444-8977-2

Дочь известного томского ювелира Иосифа Яковлевича Стукова унаследовала от любящего родителя кое-какие безделушки. Среди них и перстень с бриллиантом... Принесли ли фамильные драгоценности счастье Анне Иосифовне и близким ей людям? Или, наоборот, именно они стали причиной весьма трагических событий? Ответы на трудные вопросы ищут герои остросюжетных произведений известных писателей-сибиряков.

ISBN 978-5-4444-8977-2

© Шувалов Л. Ю., 1988

© ВЕЧЕ, 1988

Содержание

Рикошет	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Ярушкин, Леонид Шувалов
Рикошет. Тактика
Сборник

© Ярушкин А. Г., Шувалов Л. Ю., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Рикошет

1

Разбираю папки с бумагами. Месяц назад побросала их в сейф, и теперь на полках хаос. А тогда... Тогда мне нужно было сделать кучу дел:

1. Забежать к Маринке за шикарными итальянскими солнцезащитными очками;
2. Заскочить к Люське. В прошлом году она привезла из Москвы потрясный купальник. Два часа в ГУМе за ним давилась. Думала похудеть – взяла на два размера меньше, а получилось наоборот. Вот и пожертвовала мне;
3. Попасть в парикмахерскую;
4. Решить, какие тряпки могут понадобиться;
5. Выслушать последние мамины наставления о том, как следует вести себя в незнакомом обществе молодой незамужней девице, с кем дружить, как загорать, что есть, чтобы поправиться и стать похожей на человека, что пить и в каких количествах;
6. Позвонить Толику. Утешить, что замуж не выйду и он со своими восьмиклассниками может спокойно готовить школу к новому учебному году и ждать моего возвращения...

Разложив все по полочкам, закрываю сейф. С тоской смотрю на стол. Мария Васильевна могла бы и вытереть его перед моим появлением из отпуска. Нахожу засохшую, твердую как камень тряпку и, плеснув на стол воды из позеленевшего графина, отмачиваю ее в лужице. Отжав над урной, начинаю ровными кругами протирать столешницу. Добиваюсь идеальной чистоты, опускаюсь на стул и поднимаю трубку телефона.

Раздается голос шефа:

– Прокурор Ковров.

Вежливо здороваюсь и слышу, как он усмехается:

– Лариса Михайловна, кажется, мы сегодня виделись... – Он делает паузу. Должно быть, смотрит на часы. Потом добавляет: – Сорок минут назад.

– Сорок пять, – уточняю я и жалуясь, что не знаю, куда приложить восстановленные за время очередного отпуска силы; обижаюсь, что обо мне забыли; плачусь, что и заняться-то нечем – ни одного дела в производстве.

– Дело для тебя уже готово, – успокаивает Павел Петрович. – Зайди... через четверть часа.

Кабинет шефа небольшой, сумрачный. Солнечный свет с трудом пробивается сквозь пропыленную листву старых, по-городскому корявых тополей. Поэтому под высоким потолком постоянно горит раскидистая пятирожковая люстра. Форточка открыта, но запах табака не выветривается, впитался в стены.

Павел Петрович делает приглашающий жест. Как благовоспитанная девица, придерживаю воображаемую юбку и сажусь. Шеф неодобрительно косится на мои джинсы.

Он у нас только с виду суровый, а в сущности – хороший и добрый. Когда я пришла в прокуратуру после окончания института, ужасно его боялась. Прямо тряслась от страха, если вызывал. Павел Петрович заметил это и стал подолгу беседовать со мной. Расспрашивал о жизни, о родителях, о друзьях. Пригласил домой на чай. Жена у шефа оказалась прекрасной женщиной. Очень любит своего Пашечку. Когда она так назвала шефа, я смутилась, а шеф еще больше. После этого визита мое отношение к прокурору изменилось.

Павел Петрович кладет ладонь на картонные корочки уголовного дела. Пытаюсь разобраться, что там написано, но читать вверх ногами неразборчивую надпись весьма непросто. Кашлянув, Павел Петрович говорит:

– Если откровенно... Не хотел сразу наваливать на тебя такое дело...

Нечего сказать, начало многообещающее! Я заинтригована. Однако внешне – само спокойствие.

– Но больше некому, – продолжает он. – Селиванов совсем зашился с взяточниками из треста «Огнеупор». Валентина, сама знаешь, снова в декрет ушла...

Прежде чем успеваю сообразить, что я не на крымском песочке, а в кабинете прокурора, у меня вырывается:

– Да, Кирилл разохотился. Сына ему подавай!

Шеф смотрит укоризненно. Словно хочет сказать: «Тебе двадцать восемь, а все как девчонка!» Виновато опускаю глаза.

Ну и что, что двадцать восемь?! Выгляжу-то моложе! В автобусе часто слышу: «Девочка, передай на компостер». Ошибиться немудрено. Такая уж у меня фигура. И рост, как у современных девочек, – сто семьдесят. К тому же короткая стрижка. А что касается нескольких морщинок в уголках глаз, так о них знаю только я.

Слышу голос шефа:

– Не торопись с выводами. Дело неординарное. Перепроверь все как следует. Расследовала Валентина, но закончить не успела. Мнение у нее сложилось, но мне не хотелось бы, чтобы оно над тобой довлело...

Понимающе киваю и, чувствуя, что Павел Петрович к продолжению беседы не расположен, тихонько ретируюсь.

2

Труп Анны Иосифовны Стуковой обнаружили соседи по лестничной площадке. Обычно они помогали престарелой женщине в домашних делах, а тут их насторожило, что Анна Иосифовна второй день не показывается из квартиры.

Старушка была прелюбопытная. В возрасте семидесяти шести лет неплохо выглядела, носила парик, любила побаловаться рюмочкой коньяка и, вообще, не умела себе в чем-нибудь отказывать, хотя, проработав всю жизнь машинисткой в различных учреждениях, получала не очень большую пенсию.

Дело в том, что Анна Иосифовна была дочерью известного томского ювелира Иосифа Яковлевича Стукова и от нежного родителя унаследовала кое-какие безделушки. Среди них и перстень с бриллиантом, стоимостью в сорок две тысячи.

Родных у старушки, кроме двух племянниц, не было.

Вчитываюсь в протоколы осмотра трупа и места происшествия. Просматриваю показания свидетелей. Последние документы Валентина даже не подшила. Это постановления о привлечении в качестве обвиняемых и о применении меры пресечения в виде содержания под стражей.

Валентина считает, что со старушкой расправились муж и жена Малецкие. Соседи, обнаружившие труп. Вывод поспешный и не очень вразумительный. Правда, при обыске в квартире Малецких обнаружили корешок почтового перевода на имя Стуковой. Сумма солидная – тысяча двести рублей. Но...

Вот и шеф не разделяет точку зрения Валентины. Читаю вложенный в дело листочек с его замечаниями и не нахожу ничего нового. У Павла Петровича вызвали сомнения те же моменты, на которые и я обратила внимание. Сделав необходимые выписки, звоню шефу.

Несколько длинных гудков – и голос уставшего человека:

– Прокурор Ковров.

Предлагаю подвезти его до дома. Хотя времени уже восемь часов, шеф интересуется, изучила ли я дело. Бодренко отвечаю:

– Естественно.

– Понравилось?

– Не очень... Так едем?

После минутного колебания шеф соглашается. Быстро складываю бумаги в сейф, с трудом поворачиваю ключ. Задерживаю взгляд на приклепанной к сейфу на уровне моих глаз стальной пластине с витиеватой надписью: «Новониколаевск. Артель “Ударник”». По-дружески подмигиваю полуобнаженному кузнецу. Раскрыв рот в беззвучном крике, кузнец прощально машет мне огромным молотом.

Подхватываю сумочку и выскакиваю из кабинета.

Дождь. Моя красавица стоит под деревом. Прозрачные капли струятся по ее красным сверкающим бокам, соскальзывают по лобовому стеклу.

Вприпрыжку добегаю до машины, поспешно открываю дверцу, падаю на сиденье. Включаю зажигание, и мотор начинает урчать, как сытый кот. «Дворники», тикая, словно ходики, весело разгоняют воду. В зеркало заднего вида замечаю, что шеф нерешительно ежится в дверях в предвкушении порции дождя. Дав задний ход, въезжаю на тротуар. Подгоняю «Ниву» к подъезду так, чтобы дверца оказалась прямо перед Павлом Петровичем. Он втягивает голову и живо ныряет в машину. Сурово бросает:

– Хулиганка.

Смеюсь. Шеф еще что-то ворчит себе под нос, но «Нива» уже спрыгивает с тротуара.

Ехать по городу одно мучение. Хотя первая очередь метро сдана, центральные магистрали по-прежнему перекрыты. Приходится делать такие круги!.. И светофоры на каждом шагу! А сколько бензина уходит...

– С чего собираешься начать? – спрашивает шеф.

Сообщаю. Павел Петрович слушает немного рассеянно, согласно кивает.

– Обратила внимание на сроки?

Обиженно надуваю губы. Как будто могла не обратить?! Но обида проходит быстро. Промчавшееся такси заливает «Ниву» мутной водой. Становится темно. Щетки стеклоочистителей с усилием вычерчивают чистые полукружия, через которые вижу уносящуюся в ореоле брызг «Волгу». Вот нахал! Прибавляю скорость, начинаю настигать его. Дождь распугал пешеходов, и улица пустынна. «Волга» замирает перед светофором. Моя «Нива» медленно накатывается на перекресток. Кладу руку на рычаг переключения скоростей и, уловив момент, когда загорается желтый, одновременно со взыванием двигателя включаю «вторую». Приглядев приличную лужу, проскакиваю рядом с «Волгой». Выплеснувшаяся из-под колес вода веером покрывает ее.

С удовлетворением замечаю, что таксист свирепо шевелит губами. Мило улыбаюсь. Будет знать!

Павел Петрович сидит напряженно, упершись ногами в пол. Он всегда так сидит, когда едет со мной.

– Как это отец разрешает тебе садиться за руль?! – риторически восклицает шеф, немного переведя дух.

Молчу. Не стану же доказывать, что вожу машину классно. Одно то, что отец дал мне доверенность на управление, говорит о многом. Сам он ездит редко и без особого желания. Ему надоедает штурвал «баклажана». Так отец называет аэробус, на котором летает. Когда я беру ключи от гаража, мама глядит вслед такими глазами, будто провожает в последний путь. Они не понимают, как здорово иметь под руками машину. «Нива» помогает мне соблюдать сроки расследования уголовных дел. На ней я успеваю побывать за день в стольких местах,

сколько на автобусе не объездишь и за неделю. Например, сегодня еще смогу заехать к Толику, а то мама говорила, он совсем исстрадался. Перед моим приездом чуть телефон не оборвал. Все узнавал, нет ли телеграммы. А я взяла да прилетела.

Останавливаю машину возле дома, где живет шеф. Павел Петрович приоткрывает дверцу, спрашивает:

– Может, зайдешь? Люся будет рада.

Вспоминаю несчастного Толика и отказываюсь.

Шеф выпрыгивает под дождь и, смешно скрючившись, шлепает по лужам. Выезжаю со двора.

Льет и льет. Включаю «противотуманки». Спиной чувствую, как промозгло на улице. Вот тебе и конец августа...

3

От вчерашнего дождя остались только лужи на асфальте, в которых игриво преломляются утренние лучи солнца. Оказывается, и в конца августа бывают безоблачные деньки.

Свернув под арку, сбрасываю скорость. Машина медленно ползет по двору. Вот и вывеска, которую ищу. На черном фоне горделиво сверкают золотом большие буквы: «Жилищно-эксплуатационный участок». Глушу двигатель, поворачиваю к себе зеркало заднего вида.

Полный порядок! Легким движением поправляю челку. Теперь совсем хорошо.

Сбегаю по ведущей в подвал лестнице. Полумрак, прохлада, тишина. Лишь где-то в конце коридора-лабиринта щелкают счеты. Нахожу кабинет начальника.

– Приема нет, – не отрываясь от газеты, произносит молодой, но успевший освободиться от тяжести волос человек.

Однако я уже сижу напротив и выходить не тороплюсь. Он поднимает безразлично-тусклые глаза. Едва двигая тонкими губами, повторяет:

– Приема нет.

– Извините, но я по делу...

– Какие могут быть дела у столь молодой особы? – растягивает губы начальник ЖЭУ.

Наверное, он так улыбается. Едва успеваю об этом подумать, лицо мужчины начинает жухнуть. Похоже, пик эмоций уже позади.

Вынимаю из сумочки удостоверение. Непонимающий взгляд собеседника становится приторно-подобострастным. В нем читается желание угодить. Не помочь, а именно угодить. Откуда это в людях?! Ведь не воспитывали же его в страхе перед прокуратурой!

– Я хотела бы осмотреть квартиру номер девятнадцать во втором доме. Нужен ваш представитель, ключи и двое понятых.

– С огромным удовольствием, – отвечает начальник и нажимает кнопку.

За стеной верещит звонок. По коридору раздаются тяжелые шаги. В дверь просовывается увенчанная мелкой «химкой» голова. Круглое лицо женщины выражает недовольство.

– Аркадий Федорович, у меня же отчет! – вскинув выщипанные брови, говорит она.

– Конкордия Петровна, – хмурится начальник, – товарищ из прокуратуры желает осмотреть квартиру.

Женщина оглядывает кабинет в поисках «товарища» и с недоумением останавливает взгляд на мне. Ниточки бровей изгибаются с неподдельным интересом:

– Это где старуху убили?.. Говорят, ее соседи пристукнули, на богатство позарились. Правда?

– Ведется следствие.

– А-а... – мнется Конкордия Петровна. – Мне с вами в квартиру идти?

– Желательно.

Она всплескивает крупными руками:

– Ой, страх-то какой!.. Сейчас за ключами сбегаю.

Когда женщина выходит, благодарю Аркадия Федоровича за помощь и, пытаясь пробудить в нем положительные эмоции, улыбаюсь. Он проводит рукой по голове, словно приглаживая непокорные вихры, вяло кивает.

4

Дом старый, в два этажа. Мне такие нравятся. В них всегда пахнет пылью, немножко котами, из-за дверей струятся ароматы приготовляемой пищи. Кажется, вот-вот скрипнет темно-коричневая филенчатая дверь, и по широким ступеням, придерживаясь за толстые перила, чинно сойдет дама с зонтиком и собачонкой под мышкой. Такая, как у Маршака. «Дама сдавала в багаж диван, чемодан, саквояж...»

Квартира № 19 на втором этаже. Дама не появляется, но, вероятно, чтобы не рассеять мое представление о старых домах, по лестнице спускается старичок из далеких тридцатых. В розовой кепочке и чесучовом пиджачке.

– Здравствуйте, Эдуард Феофанович, – приветствует его Конкордия.

Старичок приподнимает кепочку:

– Мое почтение.

Нашу процессию, состоящую из меня, Конкордии, дворничихи Зинаиды Ивановны и двух понятых – электрика и лифтерши из ЖЭУ, Эдуард Феофанович провожает любопытным взглядом.

На лестнице Конкордия трусит и приотстает. Однако когда подходим к квартире, оказывается тут как тут. Ее чувства понятны. Боязно заходить туда, где был убит человек. Боязно, но интересно.

На двери белеет бумажка со знакомым оттиском. Печать Валентины. У меня такая же – маленькая, металлическая, с номером в центре. Только у Валентины – четырнадцать, а у меня – тринадцать.

Конкордия нервничает. Ключ никак не попадает в замочную скважину. Наконец дверь открыта.

Пахнет затхлостью и лекарствами. Почему-то в квартирах мертвецов всегда царит этот дух. Нашупываю выключатель и зажигаю свет в коридоре. Пол затоптан до невозможности. Сколько же народу здесь побывало?! Спрашиваю об этом у Конкордии Петровны.

– «Скорая», – погибает она внушительный палец. – Милиция, – она погибает второй. – Следовательша ваша, – она погибает еще один. – Потом мы опись делали.

Округляю глаза.

Конкордия понимает это по-своему и торопливо начинает заверять меня, что все делалось по правилам, комиссионно, с участием старшей по дому.

– А как же печать следователя? – прерываю ее.

– Бумажка же легко отклеивается! Не хотели вашего товарища беспокоить. Зачем, думаем, беременного товарища сюда в который раз тащить? Сами управимся.

Слов у меня нет. Протяжно вздыхаю.

– Кто же вас надоумил с описью?

– Аркадий Федорович дал указание, – обиженно отвечает Конкордия.

Она подчеркнуто официально говорит «дал указание», а не «надоумил», как вырвалось у меня. Помолчав, воинственно встряхивает «химкой»:

– Вдруг пропадает что-нибудь? А ЖЭУ потом ответ держать!

Не скатываюсь до нотаций, а принимаюсь разьяснять понятным их права и обязанности. Электрик рассеянно кивает. Лифтерша слушает, склонив голову. Дворничиха тоже прислушивается, но на ее лице выражение школяра, заранее знающего, о чем будет говорить учитель. Когда я заканчиваю, она небрежно сообщает:

– В прошлый раз понятным то же самое толковали.

Делаю удивленное лицо. Тем же тоном Зинаида Ивановна роняет:

– Дворников завсегда приглашают.

– Значит, присутствовали при осмотре?..

– Присутствовала... Ох, и кровящи тут было! Надо же, беременную женщину заставили на покойника да на кровящу глядеть.

Задумчиво закусываю губу. Действительно, крови должно было быть много. Судебно-медицинский эксперт указал, что череп Стуковой был проломлен в области виска. Смерть наступила мгновенно. Орудием убийства, по его мнению, послужил тупой твердый предмет. Вот такое веселенькое заключение...

Оглядев комнату, спрашиваю у дворничихи:

– Обстановка нарушена во время осмотра? Или все перерыли, когда опись делали?

Брошенный в адрес ЖЭУ камешек не остается незамеченным. Конкордия недовольно сводит брови. Зинаида Ивановна зорко осматривается:

– Нет... Когда следовательша пришла, уже был беспорядок. В шкатулке кто-то рылся, в шифоньере...

Вспоминаю, что с платяного шкафа и шкатулки взяты отпечатки пальцев. Одни принадлежат хозяйке, другие, к сожалению, непригодны для идентификации. «Пальчики» Малецкого тоже найдены, но совсем на других предметах.

Прошу понятых и представителей ЖЭУ быть внимательными и приступаю к осмотру. Делая пометки в блокноте, медленно продвигаюсь вдоль стен. Останавливаюсь у зеркала. Стекло слегка помутнело от времени, но, наверное, прослужит еще лет сто. Вот только эта царапинка у края. Маленькая, чуть больше сантиметра. Чтобы поцарапать стекло, тем более такое и так глубоко, нужно... Нужен алмаз! Алмаз... Или бриллиант. Кто же проверял подлинность камня? Кстати, от кого узнали, что похищен перстень, другие ювелирные изделия и сберегательная книжка на предьявителя? Интересуюсь у Зинаиды Ивановны.

Она без промедления отвечает:

– Малецкие сказали только про перстень. Что еще украли, они не знали. Это подруга Анны Иосифовны все обсказала.

– Какая подруга? – переспрашиваю я.

– Августа Дмитриевна. Она все к покойнице ходила. Фамилию не скажу... Следовательша осмотр делала, а она как раз пришла. Расстроилась сильно, но все обсказала: что было и где хранилось. Потом ей совсем плохо стало. На «скорой» и увезли...

Продолжаю осмотр. У ножки комода замечаю маленький белый прямоугольничек. Поднимаю его. Это билет на электричку до станции Новосибирск-главный, датированный восьмым августа.

Поворачиваюсь к Конкордии Петровне:

– Когда вы производили опись?

Настороженно глянув на билет, она тихо отвечает:

– Седьмого.

Мне это совсем не нравится. Интуитивно чувствую, что приобретенный восьмого августа билет не мог быть обронен ни седьмого, ни даже третьего, когда, как утверждает судебный медик, была убита Стукова. Что же это такое?! То отклеивают, то приклеивают бумажку с Валиной печатью!

А вот это совсем никуда не годится! Зачем же трогать чужие вещи?! Невооруженным глазом видно, что стоящий на комодке портрет интересной молодой женщины кто-то брал в руки.

На бронзовой рамке в виде переплетенных листьев слой пыли тоньше, чем на других предметах.

– Это Анна Иосифовна в молодости, – заметив, как пристально я рассматриваю фотографию, подсказывает дворничиха.

Осторожно поворачиваю рамку. Толстый картон с золотым тиснением: «Томск. Фотография Пейсахова» надорван. Края разрыва пропылиться не успели. Когда портрет осматривала Валентина, картон был цел. Придется отправить его на экспертизу.

– Товарищи понятия, обратите внимание, – бережно опуская портрет в полиэтиленовый пакетик, говорю я. – Этот предмет изымается.

Замечание излишнее. Понятия с интересом следят за моими действиями.

Перехожу к столу. Пепельница из синего стекла полна окурков. В основном папиросы «Беломорканал», но есть и три едва начатые сигареты «Опал» с характерным прикусом фильма.

Негромко интересуюсь:

– Стукова курила?

– Дымила покойница.

Этот возглас раздается из прихожей. Оглядываюсь. В дверях переминается с ноги на ногу старичок по имени Эдуард Феофанович.

– Прошу прощения, но было открыто... – виновато улыбается он, встретившись со мной взглядом. – А Стукова на самом деле покуривала, «Беломорчик» предпочитала, фабрики имени товарища Урицкого. Мы с ней иногда на лавочке сживали.

Делаю короткую запись в блокноте, вынимаю еще один полиэтиленовый пакетик и высыпаю в него содержимое пепельницы. Потом перехожу к обозначенному мелом силуэту. Слышится вздох Зинаиды Ивановны:

– Вот здесь она и лежала... Прямо как к смерти приготовилась. Выходное платье на ней... Лица-то не видно было, одеялом кто-то прикрыл. Вон тем...

Скомканное одеяло лежит на кровати, у самой стены. На бежевом фоне отчетливо видны засохшие бурые пятна. Убираю его в сторону и настораживаюсь. Между стеной и кроватью поблескивает какой-то предмет. С трудом дотягиваюсь до него, соблюдая все меры предосторожности, извлекаю маленький, но увесистый утюг. У меня дома такой же. Только на этом пятнышки, похожие на кровь. И прилипший седой волос.

Зинаида Ивановна что-то шепчет и крестится. Конкордия и лифтерша бледнеют. Электрик кисло морщится. Лишь Эдуард Феофанович, проявляя философское отношение к жизни и смерти, раздумчиво покачивает головой.

Покончив с составлением протокола осмотра, знакомлю с ним понятий и представителей ЖЭУ. Они расписываются и с облегчением выходят из квартиры. Достаю из сумочки комочек пластилина, разминаю его и, придав форму шарика, опечатаваю дверь. Шарик превращается в аккуратную лепешку с цифрой тринадцать посередине.

5

Пожилой боец ВОХР, нацепив на нос очки, изучает удостоверение. Потом поднимает глаза и сравнивает фото с оригиналом. Чтобы сходство было абсолютным, стараюсь выглядеть как можно более сердитой. Именно такой я получилась на фотографии. И теперь чуть ли не ежедневно вынуждена изображать мину, которую запечатлел фотоаппарат.

Вохровец, кажется, так и не найдя идентичности, со вздохом возвращает документ и, поправив кобуру, интересуется целью моего визита.

Прошу пригласить Малецкую. Он снова вздыхает, снимает трубку и просит начальника отдела сообщить Малецкой, что ее ожидают. Вахтер совсем уже готов объяснить – кто, но я предостерегающе прикладываю палец к губам. Трубка возвращается на место. Спрашиваю, где можно побеседовать. После недолгого раздумья боец сообщает, что это можно сделать в «красном уголке».

На лестнице раздается торопливый перестук каблучков.

Снизу вверх, да еще и против света, вижу только силуэт. Стройная женщина. Она подходит к вахте, смотрит на вохровца, потом на меня.

– Это вы вызывали?

Голос тихий, приятный. А вот глаза беспокойные. Почему?.. Боится разоблачения? Или это результат косых взглядов и закулисных разговоров соседей? А может, Валентина сказала, что подозревает их с мужем в убийстве Стуковой?

– Элеонора Борисовна, у меня несколько вопросов...

Идем в «красный уголок». Малецкая чуть впереди, я за ней.

Когда прикрываю дверь, она оборачивается. Молча стоим друг против друга. Малецкая повыше меня. Пышная прическа, гладкое, без единой морщинки, лицо. Чувствуется, следит за собой тщательно. Хотелось бы мне так выглядеть через десять лет.

Представляюсь.

Ресницы Малецкой вздрагивают. В углах рта появляются горестные складки. Нервная рука тербит прядь волос. На пальце узенькое обручальное колечко. Наконец она тихо произносит:

– Я же давала показания...

– Я их читала... – говорю я и спрашиваю: – Как вы обнаружили труп Стуковой?

На этот вопрос Малецкая уже отвечала, но слишком коротко.

Валентина пошла простым путем: убийца – Малецкий, его жена – причастна к убийству. Когда версия одна, поневоле не обращаешь внимания на подробности. И моя коллега работала только в одном направлении. У меня еще во время чтения материалов дела возникли версии, но я не пытаюсь отсечь спорные и выкристаллизовать единственную. Раньше я пробовала не строить их, пока не соберу все, какие только возможно, доказательства. Но это трудно. Мысль не ждет, когда копилка фактов у следователя наполнится. Так говорили нам в институте. Уже работая, я поняла: сказано это было не для красного словца. Невозможно запретить себе мыслить, если ощущаешь информационный голод. Только воображение и логика могут компенсировать недостаток доказательств. Валентина уперлась в одну версию. Почему это произошло? Либо ей не хватило воображения, либо оно перехлестывало через край, создавая, вопреки логике, такую яркую картину преступления, что другие версии тускнели, отходили на второй план и забывались.

– Вас интересуют подробности? – спрашивает Малецкая.

Смотрю ей в глаза. Подробности меня интересуют. Они мне необходимы. Я хочу их услышать. Я их просто жажду. Не знаю, поняла ли это Элеонора Борисовна, но она начинает рассказывать:

– Мы живем на одной площадке со Стуковой. Я видела ее в субботу, вечером... По моему, было второе августа. Мы на лестнице встретились. Поздоровались. Я еще спросила, как она себя чувствует... Анна Иосифовна погрозила пальцем и рассмеялась: «Элочка, со своими заботами вы напоминаете мне о возрасте!»... В воскресенье мы долго спали. Проснулись, когда свекровь уже ушла гулять с Викой и Костиком. После обеда позвонила моя подруга и пригласила нас с Романом на день рождения...

Малецкая вопросительно смотрит на меня, словно спрашивая, стоит ли обо всем этом говорить. Одобряюще киваю.

– Вернулись в двенадцатом часу, – продолжает она. – В понедельник муж рано ушел на работу. Он преподает в речном училище. Я собралась по магазинам, у меня как раз отгул был. Дома оставалась Евгения Константиновна с детьми. Когда вернулась, мы пообедали, и я стала мыть посуду, а свекровь пошла укладывать детей. Дети заснули. Свекровь вышла на кухню и спросила, не видела ли я Анну Иосифовну. Я сказала, что нет. Тогда она посетовала, что Стукова второй день не заходит...

– Почему это встревожило вашу свекровь?

Малецкая смотрит непонимающе:

– Почему вы решили, что встревожило?.. Просто Анна Иосифовна часто заходила к нам, они пили чай, разговаривали, курили.

– У них были общие интересы?

– Н-не думаю... Но они примерно одного возраста... Это всегда сближает.

Немного подумав, спрашиваю, когда же Малецкие встревожились. Элеонора Борисовна медлит, потом нерешительно отвечает:

– Пришел муж и сказал, что из почтового ящика Стуковой торчат газеты. Вот свекровь и предположила, что Анна Иосифовна заболела или умерла.

– Почему у нее возникла такая мысль?

В глазах Малецкой удивление. Ей кажется, что я не понимаю самых простых вещей.

– Возраст преклонный... Под восемьдесят...

– Продолжайте, – прошу я.

– Муж вышел на площадку и позвонил в квартиру Стуковой. Но никто не открыл. Я сбегала на улицу, спросила у старушек, не видели ли они Анну Иосифовну. Они сказали, что в воскресенье вечером та выходила на улицу, а сегодня не появлялась.

Вспоминаю заключение судебно-медицинской экспертизы. Получается, что Стукова выходила незадолго до смерти.

– Мы еще посидели дома, и муж снова пошел звонить к Стуковой. Это было уже около... – Малецкая замолкает и после паузы говорит: – Около шести вечера. Опять никто не открыл. Муж постучал к соседу, Киршину, объяснил ситуацию. Они посоветовались и решили взломать дверь. Мы все почему-то подумали, что Анна Иосифовна умерла.

– Почему же?

Малецкая пожимает плечами:

– Я же говорю, старая она была.

– Кто взламывал дверь?

– Киршин... Взял топор и открыл. Аккуратно, старался не повредить...

На это я обратила внимание, когда опечатывала квартиру Стуковой. Только след отжима и остался. Завидная бережливость.

– Почему не пригласили представителей ЖЭУ?

– Если бы мы знали, – горько усмехается Малецкая, – как все полагается делать...

– А какие драгоценности были у Стуковой и где она их хранила, вы знали? – негромко спрашиваю я.

Малецкая бледнеет и, кажется, готова заплакать.

– Вы тоже считаете, что это мы? – с трудом произносит она.

Пытаюсь успокоить ее:

– Одно могу обещать – скоропалительных выводов делать не собираюсь.

– И на том спасибо, – невесело улыбается она.

– Не за что... Так знали вы, где Стукова хранила драгоценности?

– Знала, – подавленно отвечает Малецкая. – Она мне показывала. И перстень видела, и другие...

– Какие другие?

Словно сбрасывая оцепенение, она встряхивает волосами:

– Не помню... Были какие-то...

Свежо предание... Женщин, так говорящих о драгоценностях, я встречала не очень часто. Прячу язвительную улыбку и интересуюсь, кто сообщил, что именно было похищено.

– Кто? – переспрашивает Малецкая. – Я и Августа Дмитриевна, давнишняя приятельница Стуковой.

– А родственники у Стуковой были?

– Да... Конечно, были. Две племянницы. Римма и Людмила. Римма где-то в пригороде живет, а Люда в городе... Еще старичок какой-то ходил. Только он, по-моему, не родственник. Правда, месяца два как не вижу его. И на похоронах не был...

– Племянницы часто навещали Стукову?

– Не очень...

– Почему так?.. Ведь тетка, да еще состоятельная.

Малецкая мнетя, и я укоризненно улыбаюсь. Она отвечает:

– Мне кажется, Анна Иосифовна спекулировала своим положением богатой тетушки... Она часто меняла отношение к племянницам. То с ее уст не сходила Римма, и та начинала бывать чаще. Потом вдруг резкое охлаждение, и место Риммы занимала Людмила. И делалось это Анной Иосифовной как-то... напоказ, что ли... А от этого девочки ссорились...

– Какого возраста племянницы?

Малецкая оценивающе оглядывает меня, говорит:

– Примерно вашего...

Улыбаюсь:

– Не возражаете, если я запишу ваши показания?

Она не возражает. Усаживаюсь за стол, вынимаю из сумочки бланк протокола допроса, разглаживаю его и записываю услышанное. Малецкая терпеливо отвечает на уточняющие вопросы. Однако последний из них заставляет ее измениться в лице. Она стискивает руки:

– Перевод?.. Я увидела его только во время обыска. Потом муж объяснил, что взял его у почтальона, чтобы передать Анне Иосифовне, но закрутился и забыл...

Наверное, Малецкий очень сильно закрутился, если положил перевод в словарь иностранных слов, стоящий во втором ряду книг на пропыленной полке.

Но вслух я этого не говорю. Улыбаюсь и протягиваю протокол:

– Ознакомьтесь.

Малецкая бегло просматривает запись своих показаний, расписывается.

6

Въезжаю во двор речного училища. У дверей толпятся курсанты. Черная форма сидит мешковато, но они уже считают себя речными волками. Фуражки лихо сдвинуты на затылок, в зубах сигареты. Увидев меня, новоиспеченные речники расправляют плечи, выпячивают грудь и втягивают живот. Прохожу через частокол глаз.

В преподавательской от седеющей полной женщины узнаю, что Малецкий у заведующего отделением и освободится не раньше чем через час. Позволить себе тратить столько времени на ожидание не могу и, решив пока допросить другого соседа Стуковой, сбегаю по лестнице.

Через десять минут вхожу в здание строительного управления. Открыв дверь с табличкой «Отдел материально-технического снабжения», спрашиваю у мужчины, сильно похожего на героя Рабле, где найти начальника отдела, товарища Киршина. Мужчина поворачивает ко мне

все свои три, наложенные друг на друга подбородка и тоненьким голосом сообщает, что он и есть тот самый товарищ.

Меня это радует. Снабженцы подобны перелетным птицам, и застать их в кабинете – огромная удача. Прохожу и усаживаюсь за свободный стол.

Проследив за мной сонным взглядом, Киршин интересуется:

– Вы откуда?

Удовлетворяю вполне естественное любопытство. Слышу, как он бормочет себе под нос что-то вроде: «В прокуратуре работать уже некому». Понимаю, что он имеет в виду. Сначала Валентина в интересном положении, теперь девица в короткой юбке. На языке вертится ответная колкость, но Киршин поднимает маленькие глазки, уголки рта ползут вверх, щеки раздвигаются в стороны:

– Шучу, шучу...

По-своему оценив шутку, спрашиваю официальным тоном:

– Почему вы решили вскрыть квартиру Стуковой?

Странно, но вопрос ему явно не нравится. Киршин обиженно хмыкает, и от этого огорченно колышется большой живот.

– Я не решал... решал Малецкий.

Наигранно удивляюсь:

– Да-а?.. Мне казалось, дверь ломали вы.

– Я ломал, но... – хмурится Киршин. – Малецкий пришел... Суетился. Говорит, умерла, наверное, старуха. Надо дверь взломать. Я взял топор и... Так что я простой исполнитель. Идея-то Малецкого... Сильно тревожился он... Роман и при жизни старухи вокруг нее суетился... А тут совсем серый стал...

– Не вижу в этом ничего предосудительного, – замечаю я и жду реакции собеседника.

Ждать долго не приходится. В лице Киршина появляются угодливость, почтение, какая-то восторженность. Это изменение настолько застаёт врасплох, что я непонимающе тарашусь на него.

Лицо Киршина вновь принимает сонное выражение, он вяло шевелит губами:

– Так Малецкий смотрел на старуху... Заботливый... Что ему было от нее нужно?.. Крутился вокруг. А она, этакая дама... Все свысока...

– Вы ничего не трогали в квартире?

– Увольте, – слабо морщится Киршин. – Там такой запах был... Мы и в комнату-то не заходили. Увидели из прихожей разгром да тело, прикрытое одеялом, сразу пошли звонить в милицию...

– Все вместе? – уточняю я.

– Элеонора побежала. Мы стояли, ждали...

– Малецкий ничего не брал из квартиры?

Киршин медленно качает головой:

– В тот раз нет. Наоборот... Какую-то бумажку в прихожей хотел оставить. Но, видно, меня испугался, забрал тут же...

– Что за бумажка? – подаюсь к нему.

– Уведомление на денежный перевод.

Опять этот перевод! Как он оказался у Малецкого? Почему, увидев убитую Стукову, Малецкий решил избавиться от него? Почему передумал? Зачем хранил? Не мог же он получить деньги по чужому переводу?.. А вдруг мог?!

Понимаю, что Киршин на эти вопросы вряд ли ответит, поэтому задаю вопрос полегче:

– Как вы можете охарактеризовать погибшую?

Киршин вяло приподнимает покатые плечи, секунду молчит, потом говорит:

– Я не особенно-то общался со Стуковой. Так, на лестнице столкнемся – поздороваемся... Простите, но у меня такое ощущение, что Стуковой зря не интересовались работники ОБХСС... Еще та старушка была...

– Что вы хотите этим сказать? – настораживаюсь я.

Рука Киршина описывает в воздухе неопределенный полукруг:

– Ощущения...

Поскольку любые ощущения нуждаются в проверке, уточняю:

– А конкретнее? Какие ощущения? О чем идет речь?

– Нетрудовые доходы, – не очень охотно и столь же неуверенно буркает Киршин.

На чем основываются ощущения Гаргантюа из стройуправления, выяснить не удастся, и, закончив составление протокола, я с ним прощаюсь.

7

Снова заглядываю в ту же преподавательскую. Взлохмаченный рыжеволосый мужчина поглощен телефонным разговором:

– Так, так... Что она еще спрашивала?.. Да нет же, Элочка, я ведь тебе говорил...

– Извините, – прерываю его.

– Я же всем объявил, – зажав трубку ладонью, раздраженно бросает он. – Зачет будет в триста седьмой аудитории!

Принимая меня за одну из своих студенток-заочниц, Малецкий заблуждается. Спешу прояснить ситуацию:

– Передайте Элеоноре Борисовне привет... От следователя Приваловой. И напомните ей, что разглашать тайну следствия очень некрасиво.

Опешив, Малецкий забывает о моей просьбе и, бросив в трубку: «Перезвоню!» – торопливо кладет ее на рычаг. После этого пытается улыбнуться. Однако полные губы складываются лишь в неопределенную гримасу:

– А где же Валентина Васильевна?

Смотрю на него в упор и мило улыбаюсь:

– В декретном отпуске.

– А-а-а... – потирает подбородок Малецкий.

Выглядит он импозантно: высок, широк в плечах, белокож. Прямо викинг. Сыроват, правда, немного. Да и брюшко свешивается на ремень. Похоже, Элеонора Борисовна следит не только за собой. На ее муже свежая рубашка, отутюженный костюм; модный, со вкусом подобранный галстук. Впечатление портит испуганный взгляд...

– Значит, теперь вы ведете следствие?

Подтверждаю его догадку. Он долго и испытующе смотрит. Прямо-таки сверлит взглядом, наконец решается на вопрос:

– Вы тоже меня подозреваете?

– А вас, Роман Григорьевич, совесть терзает?

– Совесть меня не терзает! – вздрогнув, выкрикивает он. – Чистая у меня совесть! Стукову я не убивал!.. Я к ней, как к родной матери! Помогал все время! Кому только могло прийти в голову! Я всегда...

Малецкий кричит, но не так громко, чтобы можно было услышать за стенами преподавательской. Останавливаю:

– Когда вы видели Стукову в последний раз?

– Второго августа в двадцать часов тридцать минут, – выпаливает он.

– Похвальная точность.

– Что вы имеете в виду?! – негодует Малецкий. – Я запомнил время, так как смотрел на часы.

– Вот и говорю, похвальная точность, – мирно произношу я.

– Что вам от меня надо?! – не может остановиться он. – Сколько можно дергать, изводить?! Допрашивали же уже? Допрашивали!!!

– Всего один раз, – уточняю я.

– Ну и что?! Все равно травма! И соседей незачем было настраивать! Знаете, что они теперь говорят?!

– Знаю, – кивнув, отвечаю я и добавляю: – Но ведь дыма без огня не бывает...

Руки Малецкого взмывают кверху в артистическом жесте отчаяния:

– Какой дым?! Какой огонь?! Не сбивайте меня с толку!

– Успокойтесь, пожалуйста, – прошу я. – И объясните, откуда у вас эти запонки?

Руки Малецкого не успевают опуститься. Он с ошарашенным видом начинает разглядывать свои запонки. Кроме непонимания, в глазах ничего нет.

Запонки я вижу впервые, но слишком уж они необычные. Горный хрусталь в ажурном переплетении золотых нитей. Старинная работа. Чуть колеблясь, произношу:

– Запонки принадлежали Стуковой.

Теперь в глазах Малецкого появляется ужас. Кровь приливает к лицу, бледный лоб покрывается испариной. Расширившимися зрачками он смотрит мимо меня.

– Объясните, Роман Григорьевич, – настаиваю я.

– Да-а, – выдыхает он. – Это подарок... Подарок Анны Иосифовны...

Прищуриваюсь. Плохая привычка – прищуриваться. Но когда волнуясь, ничего не могу поделать. Двумя пальцами придерживаю манжет рубашки Малецкого, рассматриваю запонку:

– Почему же вы испугались, если это подарок?

– Я совсем забыл! – восклицает Малецкий. – Забыл! Поверьте!

В эту минуту он искренен. Разжимаю пальцы, и его рука безвольно падает вдоль тела. Спрашиваю:

– Сколько этот подарок стоит?

– Четыреста, – невольно произносит Малецкий. – Поверьте, это подарок!

– Допустим, – уступчиво соглашаюсь я. – Но за какие услуги?

Малецкий медленно вбирает в себя воздух, разворачивает плечи и, кажется, даже при-
встает на цыпочках. Потом взрывается:

– Не издевайтесь!!!

Отступаю на полшага. В течение следующих пяти минут выслушиваю пространную тираду, основной смысл которой можно передать в двух словах: следователь Привалова – бездушна и пристрастна.

Не прерываю Романа Григорьевича. Гнев его очень правдоподобен. Но глаза!.. В них – настороженность и расчет. А самое главное – он так и не говорит, за что получил столь скромный подарок.

Выждав, когда Малецкий иссякнет, снова интересуюсь очень ровным голосом, за какие все же услуги Стукова подарила ему запонки.

– Я не могу объяснить... Я отказывался, но она настояла... Я не смог отказаться, – пожимает плечами Малецкий.

Звучит вполне приемлемо. Любопытно, как он объяснит историю с почтовым переводом.

– Не подумал, что все так обернется, – отвечает Роман Григорьевич. – Закрутился и забыл о нем... Просто забыл, поверьте.

О почтальоне я уже слышала, лучше бы рассказал, как перевод попал в словарь иностранных слов. Спрашиваю об этом.

– Сам не могу понять, – разводит руками Малецкий. – Может, дети его туда засунули?

Он словно спрашивает это у меня. Пожимаю плечами. И тут возразить нечего. Дети есть дети... Вижу, что Роман Григорьевич пришел в себя, поэтому не спрашиваю, почему, оказавшись в квартире Стуковой, он пытался избавиться от перевода. Успеется.

Сажусь за стол и записываю показания. В отличие от супруги, Малецкий придирчиво изучает протокол, по несколько раз перечитывает предложения, а закончив, делает вид, что не знает, где ставить подпись. Помогаю ему и прощаюсь:

– До скорой встречи, Роман Григорьевич.

8

Захлопнув дверцу машины, раскланиваюсь с сидящим на лавочке Эдуардом Феофановичем. Он тут же изъявляет желание помочь мне. Объясняю, что сейчас никакой помощи не требуется, но при случае обязательно воспользуюсь его любезностью. После этого поднимаюсь по знакомой лестнице. Мельком оглядываю пластилиновую пломбу со счастливым оттиском и, убедившись, что все в порядке, стучу в дверь Малецких. Хочется побеседовать с Евгенией Константиновной до того, как вернется ее сын.

Из-за двери слышатся душераздирающие крики, шум падающих предметов, топот. Наконец раздается хриплый мужской голос:

– Кто там?

Отвечаю. Все тот же похожий на голос Луи Армстронга хриплый бас настороженно переспрашивает:

– Кто, кто?

Повторяю, но уже громче, и дверь распахивается.

Передо мной невысокая худенькая женщина лет семидесяти с папиросой в углу рта. Назвать ее старушкой не поворачивается язык: брючный костюм, крашенные волосы, маникюр. Спрашиваю:

– Евгения Константиновна?

Женщина не успевает ответить. Пришпоривая игогокающую сестренку, из комнаты выскакивает «вождь краснокожих», не глядя палит из кольта и уносится в даль коридора.

– Милые дети, – замечаю с улыбкой.

– Сорванцы, – басит Малецкая и приглашает: – Проходите.

Усадив меня на кухне, она извиняется и, прикрыв дверь, выходит. Через несколько минут в квартире воцаряется тишина. Евгения Константиновна возвращается, прикуривает потухшую папиросу. Устроившись напротив, интересуется:

– Валентина Васильевна еще не родила?

– Нет... Но она уже в предродовом отпуске. Дело передали мне.

– М-да... Стукова не верила, что умрет, – задумчиво выпускает клуб дыма Малецкая. – Ирония судьбы... Представляете, за день до смерти говорила, что прекрасно себя чувствует.

– Какой день вы имеете в виду?

– Субботу. Я встретила Анну Иосифовну в скверике. Она прохаживалась с интересным молодым человеком в морской форме.

– Вы считаете, что Стукова убита в воскресенье?

– Разве вы не так считаете? – испытующе смотрит Малецкая. – Или спрашиваете об этом, допуская абсурдную мысль, что преступление совершено кем-то из нашей семьи?

Эта мысль не казалась абсурдной Валентине. Мне она тоже представляется не лишеной оснований. Однако я пришла сюда не для того, чтобы делиться своими соображениями. Поэтому скромно улыбаюсь и прошу описать человека в морской форме.

Евгения Константиновна обиженно поджимает губы:

– Я вышла из того возраста, когда обращают внимание на молодых людей... Но если вы настаиваете, попытаюсь... Высок, подтянут, лицо интеллигентное. По-моему, был чем-то удручен... Впрочем, могу ошибаться.

Моя подруга, Маринка, без ума от молодых людей в морской форме. Мне же больше нравятся молодые люди в очках и с задумчивым взглядом, как мой Толик. Однако этот моряк меня интересует:

– В каком он звании?

Малецкая вдавливая до гильзы папиросу в пепельницу, рассудительно произносит:

– Должно быть, вы неправильно поняли. А может, я неправильно выразилась... Он, кажется, и не моряк. Во всяком случае, не офицер. Скорее даже речник. У моего сына такая же форма.

– Может, он и не был удручен?

– Был, – чуть подумав, уверенно отвечает Малецкая. – Мне показалось, Анна Иосифовна сказала ему что-то неприятное. Она вообще была тяжелым человеком... Хотя о покойниках плохо не говорят, я должна быть объективной.

Объективность – это как раз то, что мне нужно от свидетелей. Прошу Евгению Константиновну поподробнее рассказать о Стуковой.

– Это сложно... Я даже не могу сказать, что хорошо узнала Анну Иосифовну за многие годы общения. Замкнутой она была человеком, мало о себе говорила. Мелькнуло как-то у нее сожаление о прошедшем нэпе. Представляете, сколько лет прошло, а она помнит, как ей тогда хорошо жилось... Но сильно она со мной не делилась. Нужно у Гути спросить.

– У Гути?

– Да, у Пуховой Августы Дмитриевны. Это близкая подруга Стуковой. Они еще с тех времен знакомы.

Малецкая вынимает из пачки папиросу, прикуривает. Тут же спрашиваю:

– Стукова тоже курила папиросы?

– Исключительно... Мы с ней иногда друг друга выручали.

– А ваш сын, наверное, предпочитает сигареты?

Малецкая задерживает на мне взгляд, не без гордости отвечает:

– Он не признает этой дурной привычки. И спиртным не увлекается. Даже на поминках Стуковой лишь пригубил рюмку.

– На похоронах было много людей?

– У стариков на похоронах много народа не бывает... Родственники были, соседи. Организовали все племянницы.

– А какие еще родственники? – удивленно спрашиваю я.

– Георгий приходил, племянник Анны Иосифовны.

– Что-то не слышала о нем, – озадаченно говорю я.

Малецкая поясняет:

– Я и сама видела-то его раза два-три. Он в киоске «Союзпечать» работает, напротив Федоровских бань.

– Так он уже в возрасте?

– В том-то и дело, что молодой. Лет сорока.

– На похоронах не высказывались предположения, кто мог убить Стукову?

– Родственникам не до того было, – хмыкает Малецкая. – У них одни заботы – наследство... Каждый считает себя обделенным...

Основания считать себя обделенными у племянниц есть. Ведь после смерти Стуковой они наверняка должны были кое-что получить, а тут вместе с тетужкой ушли и драгоценности. Обидно.

– Мне кажется, Римма и Людмила думают не о том, что пропало, а о том, что не пропало, – продолжает Малецкая и, видя мое огорошенное таким построением фразы лицо, поясняет: – Дело в том, что Анна Иосифовна имела обыкновение давать племянницам поносить свои драгоценности. Но не сразу обеим, а только одной. Теперь каждая подозревает, что у другой что-нибудь из ценностей осталось... На поминках они только об этом и спорили. И Георгию от них попало.

Показываю Малецкой составленный Валентиной список исчезнувших драгоценностей. Пробежав его глазами, она качает головой:

– У Анны Иосифовны были еще и золотые монеты. Она как-то мне предлагала для коронок, но я отказалась. Зачем переплачивать, если в поликлинике можно поставить по госцене? Отказалась...

Будем искать и монеты. Хотя они и из тяжелого металла, но обязательно где-нибудь всплывут. Такое уж у золота странное свойство.

Записываю показания Малецкой.

Слышится звук отпираемого замка, возгласы детей. Евгения Константиновна извиняется и выходит из кухни. До меня доносится ее взволнованный голос: «Роман, что с тобой? Ты болен?» Ответа Малецкого не разбираю.

При моем появлении в коридоре Малецкому не становится лучше. Выглядит он действительно нездоровым. Быстро прощаюсь и выскальзываю из квартиры.

Сбегая по ступенькам, ругаю себя. Кажется, немного переборщила, допрашивая Малецкого. Надо быть помягче. Иначе недалеко и до профессиональной деформации. И так мама начинает замечать, что я бываю резка с людьми.

Еду по улице, а в голове... В каком-то научно-популярном фильме видела забавные кадры – броуновское движение молекул. Сейчас от обилия информации в моей голове творится нечто подобное. Мысли мечутся, сталкиваются, отскакивают друг от друга.

Задумавшись, проскакиваю на желтый свет. Слава богу, на перекрестке нет милиционера.

9

Толика дома не застаю.

– Твой любимый даже обедать не приходил, – язвительно сообщает его младший брат Сережка.

– Там на скамейке тебя девочка ждет, – равнодушным голосом сообщаю я.

Сережка подбегает к окну, убеждается, что девочка – плод моей фантазии, и хохочет. Рассказываю этому тощему, головастому, с просвечивающими на солнце большими ушами десятикласснику пару ужасных историй, до которых он, в отличие от старшего брата, большой охотник, после чего спускаюсь к машине.

Толика нахожу в школе.

Скептически оглядываю его измазанную краской физиономию. Толик сконфуженно поправляет очки, разводит руками:

– Скоро первое сентября...

– Когда освободишься?

– Часа через два.

– Через час жду тебя дома. Мои на даче.

Склонив голову набок, он смотрит вверх очков:

– На предмет?

– На предмет совместного ужина, – улыбаюсь я.

По дороге домой заскакиваю в магазин, покупаю десяток котлет. Забежав в квартиру, звоню Люське. Длинные гудки приводят меня в отчаяние. Похоже, не удастся поразить Толика своими кулинарными способностями. Сомневаюсь, что Маринка знает, как жарить эти штуки, но положение безвыходное. Набираю ее номер. Узнав, в чем дело, подруга хмыкает и начинает поучать:

– Возьми сковородку, положи туда масла. Когда зашипит, клади котлеты.

Смотрю на торчащий из сумочки полиэтиленовый пакет с кривым котлетным колобком и с горечью роняю:

– Они же слиплись!

– Ну, старая, тогда не знаю! У нас же бабушка все готовит, а она в магазин пошла... Жди Толика, может, он что-нибудь сообразит.

Кладу трубку, достаю «Книгу о вкусной и здоровой пище» и, перелистывая страницы, бреду на кухню. Лезу в холодильник за маслом. На полке стоит кастрюлька с голубцами. Молодец, мамочка!

10

Ну и погодка! Опять дождь.

Завожу Толика в школу и спешу в прокуратуру.

Смотрю на ажурные стрелки больших старинных напольных часов. Раньше они стояли в приемной, но привезли новую мебель, и им не повезло – выставили в коридор. На часах без пяти девять.

Кузнец из артели «Ударник», не реагируя на мое появление, продолжает лупить по наковальне. Щелкаю его по носу. Он так увлечен своим делом, что прощает эту фамильярность.

Усаживаюсь за стол и начинаю перечитывать протоколы допросов. Не сразу реагирую на дребезжание телефона. Когда снимаю трубку, слышу взволнованный голос Маринки. Она торопливо сообщает, что Люська познакомила ее с каким-то капитаном и сегодня мы все вместе идем в безалкогольный ресторан при вновь открывшейся высотной гостинице.

– Толик такой домосед, – вздыхаю я.

– Мне он не откажет! – самоуверенно заявляет Маринка.

Закончив переговоры, иду к шефу.

– Как дела? – спрашивает он.

Рассказываю. Павел Петрович внимательно слушает. Не перебивает, не лезет с вопросами. А когда я замолкаю, говорит:

– Ясно... Надо подругу Стуковой разыскать. Побеседовать с ней. Окружение, знакомства... Сама понимаешь.

Получаю еще несколько ценных указаний прокурора и иду их исполнять.

11

Не люблю больниц с их специфическим запахом лекарств и человеческого горя, но часто приходится в них бывать, а что еще хуже – в моргах. Правда, на этот раз проезжаю мимо приюта усопших. Мне чуть дальше – в пятый корпус. Там, в тринадцатой палате, лежит Августа Дмитриевна Пухова. Об этом узнала от ее соседей.

Молоденькая медсестра строгим голосом интересуется, куда это я так тороплюсь, и решительно преграждает дорогу. Оказывается, часы приема еще не наступили. Предъявляю удостоверение. Она соглашается пригласить врача.

Жду долго и уже начинаю нервничать. Но вот появляется невысокий плотный мужчина в белом халате.

– Игорь Владимирович Шабалин, – представляется он.

Спрашиваю, можно ли побеседовать с больной Пуховой. Доктор с сомнением качает головой:

– Боюсь, вам это не удастся...

– В смысле?

Шабалин берет меня за локоть, и мы начинаем кружить по пустому приемному покою.

– Понимаете, Лариса Михайловна, геморрагический инсульт... В таком возрасте это неприятнейшая вещь. А здесь мы еще встречаемся с редчайшей клинической картиной – кровоизлиянием во внутреннюю капсулу, и очаг его распространился в белое вещество правой доли головного мозга. Вследствие этого появился отек мозга, повысилось внутричерепное давление...

Минут десять вежливо киваю, потом не выдерживаю:

– Так она может говорить?

Шабалин округляет глаза:

– Лариса Михайловна!.. При такой клинической картине!..

Сокрушенно вздыхаю. Игорь Владимирович принимает меня успокаивать:

– Не волнуйтесь. Как только больной станет лучше, сразу позвоню. Вы только телефончик оставьте.

Оставляю телефончик и совсем было собираюсь уходить, как доктор ошарашивает меня:

– Лариса Михайловна, как вы относитесь к джазу?

– К джазу?.. Нормально отношусь...

– Сегодня в Большом зале Консерватории камерный хор под руководством Певзнера будет исполнять джазовые композиции... Билетов, конечно, не достать, но у меня лечился директор хора... Мне удалось выпросить два билета... А я одинок...

Сочувственно улыбаюсь:

– Извините, Игорь Владимирович, но вечером я обычно занята. Днем тоже...

– Никак?..

Развожу руками:

– Никак!

– Очень жаль. Такие концерты – большая редкость.

Прощаемся.

12

Пока беседовала с врачом, тучи исчезли. Небо стало бесцветным, как подсиненная простыня. В такое небо можно смотреть бесконечно, но у меня никогда не хватает на это времени. Некогда даже задержать взгляд на начинающих покрываться налетом осени деревьях.

Не вовремя заболела Пухова. Она может знать многое. Наши подруги зачастую более информированы о нас, чем мы сами о себе.

Сосредотачиваю внимание на дорожной обстановке. Если все время думать о деле, его придется заканчивать другому следователю. Но мысли – словно назойливая мошкара. Кружат и кружат. Надоедливы, как светофоры, которые пучатся на меня своими налитыми кровью глазами. Останавливаюсь у очередного, перед поворотом на площадь Кондратюка.

От нечего делать смотрю на Федоровские бани. Бывает же так. Федоров, подвизавшийся на ниве помыва новониколаевцев, давно умер. От прежних бань остались одни стены, а бани по-прежнему именуют Федоровскими...

Нетерпеливый сигнал заставляет меня резко переключить скорость. Машина дергается, и двигатель глохнет. Из проезжающих мимо автомобилей ехидно косятся представители сильного пола. Дескать, неженское это дело. Как асфальт укладывать, шпалы таскать, стены шту-

катуричь – так женское?! Если перечислять все неженские дела, которыми мы занимаемся... Расследование уголовных дел, по мнению Толика, тоже дело неженское. Однако я справляюсь.

Жду, пока снова загорится зеленый.

Уже поворачивая, замечаю киоск «Союзпечать». Именно здесь, по словам Малецкой-старшей, работает племянник Стуковой. Поток машин увлекает меня дальше, и лишь сделав по площади круг, подъезжаю к киоску.

Сквозь увешанные журналами стеклянные стены вижу, что новости со всего света, зубные пасты и щетки, совершенно немыслимые сигареты, которые ни один уважающий себя курильщик не купит, абонементные талоны на все виды транспорта и другие предметы первой необходимости в настоящий момент распространяет не Георгий, а сухоньякая женщина со сморщенным, как печеное яблоко, личиком. Ей можно с полным основанием дать и шестьдесят, и все восемьдесят лет.

Склоняюсь к окошечку:

– Извините, у вас нет литературы по вязанию?

– Нет.

– А Георгий... когда работает?

– Зачем он тебе? – подозрительно спрашивает женщина.

Под пристальным взглядом невольно смущаюсь. Она понимает это по-своему:

– Ладно, не красней. Заходи, поговорим.

Принимаю предложение и, войдя в киоск, усаживаюсь на низенькой табуреточке. Не успеваю ничего сказать, как киоскерша печально вздыхает:

– С прохвостом ты, девка, связалась. Не ты первая Гошку разыскиваешь. Пыль в глаза он умеет пускать. Еще бы, деньги-то есть. Разжирел на калымах. А я тут сижу, как каторжная. И за себя, и за того парня. За Гошку то есть.

Сдерживаюсь, чтобы не сказать резкость. Но женщина замечает выражение моего лица и снова понимает по-своему:

– Нет... Не задаром... Все равно обидно.

Узнаю, что Георгий будет завтра, и сухо прощаюсь.

В городском агентстве «Союзпечати» быстро отыскиваю кабинет инспектора по кадрам и, постучав, слышу высокий женский голос, приглашающий войти. С порога объясняю белокурой кадровичке цель своего визита.

Цепко оглядев удостоверение личности, она открывает шкаф, нарушая стройные, сплоченные ряды папок, вынимает одну и подает мне. На обложке ученическим почерком выведено: «Архипов Георгий Глебович».

Усаживаюсь за маленький столик, раскрываю папку.

С фотографии, приклеенной к личному листку по учету кадров, смотрит большеголовый, с суперменским подбородком мужчина. Над насмешливо прищуренными глазами нависают щетинистые брови. Нос с широкими крыльями, крупные, резко очерченные губы.

Возможно, кое-кому такие мужчины и нравятся, но только не мне. Слишком много в глазах Архипова нахальства.

Выписываю анкетные данные. Возвращаю папку инспектору. Она восстанавливает на полке порядок и любопытствует, чем меня заинтересовал Архипов. Отвечаю уклончиво:

– Он является свидетелем.

После посещения агентства спешу на вокзал.

Оставляю машину в тени переходного моста и легко взбегаю по серпантину лестницы к пригородным кассам.

У автоматов суетятся люди преклонного возраста с ведрами, корзинами, рюкзаками. Они, с беспокойством поглядывая на табло, бросают монеты в щели кассовых аппаратов. Аппараты

удовлетворенно гудят и высовывают зеленые язычки билетов. Заполучив желанные прямоугольнички, пассажиры несутся по мосту, напоминая слаломистов.

Не рискуя вклиниваться в толпу дачников, издалека рассматриваю огромную схему зон пригородного сообщения. Зоны обозначены жирными полосами основных цветов радуги. Соответствующие кружочки – станции. Картинка не очень веселая: слишком много синего цвета. Это все третья зона! Здесь и Первомайка, и станция Мочище, и Пашино, и Обь, и Речпорт...

Одна из племянниц Стуковой проживает на улице Красный факел. Это – Первомайка. Другая племянница – на станции Мочище. Получается, любая из них могла обронить тот билет стоимостью двадцать копеек...

13

Магазин «Топаз» расположен в доме, выстроенном в стиле барокко пятидесятих годов нашего столетия. Сидящий у входа курносый сержант милиции расплывается в радушной улыбке:

– Здравствуйте, Лариса Михайловна!

Пытаясь вспомнить, где видела его, скованно улыбаюсь:

– Здравствуйте...

– Дежурю вот. Начальник говорит, посиди, мол, Борис Окуньков, пока в этом магазине.

Благодаря этой неуклюжей подсказке вспоминаю, при каких обстоятельствах познакомилась с Окуньковым. Правда, тогда он лежал на больничной койке и из-под бинтов были видны лишь веселые глаза, вздернутый нос и несколько веснушек. Борис задержал особо опасного рецидивиста, и это стоило ему двух месяцев госпиталя и многочисленных бесед со мной. Допрашивала его в качестве потерпевшего.

– Здравствуйте, Борис, – говорю я, невольно заражаясь оптимизмом сержанта.

Намереваюсь немного поболтать, но замечаю у прилавка знакомую фигуру, близоруко склонившуюся над разложенным по черному бархату столовым серебром. Подобно гранитному монолиту, над стеклом нависает не кто иной, как Гаргантюа из строительного управления.

Всегда настороженно отношусь к неожиданным встречам. Вообще, случайности раздражают меня. Однако проходить мимо человека, с которым еще вчера состоялась дружеская беседа, просто невежливо.

Пристраиваюсь рядом с Киршиным. Он поглощен лицезрением ложечек, вилочек, ножей и прямо-таки поедает глазами витой подстаканник с замысловатым вензелем и двумя полуобнаженными нимфами. Подстаканник хорош, но цена...

Дотрагиваюсь до круглого локтя Киршина:

– Чудная вещичка...

– Изумительная, – выдыхает он, не отрываясь от созерцания.

– И вот эта соусная ложка, – продолжаю я.

Киршин переводит взгляд с полюбившегося подстаканника на матово поблескивающую ложку, потом оторопело смотрит на меня. Белесые бровки вопросительно изгибаются. Во взоре появляется огонек узнавания. Уголки губ растягиваются, раздвигая свисающие щеки.

– Товарищ следователь?! – пищит Киршин. – Вот не ожидал... Тоже серебром интересуетесь?

– И серебром тоже...

– Стуковские побрякушки ищите?

– А вы?

– Люблю серебряную посуду, – мечтательно закатывает глазки Киршин, но тут же лукаво подмигивает: – Смотреть...

Машинально отвечаю ему тем же. Это сбивает Гаргантюа с толку. Выпятив живот, он медленно произносит:

– И покупаю... Иногда... Вот и сегодня зашел. У жены скоро день рождения, – он снова становится насмешлив: – Чтобы и ей приятно, и в доме польза...

Извинившись, Киришин плывет к выходу. Когда дверь за ним захлопывается, сержант окликает меня:

– Лариса Михайловна, это ваш знакомый?

– Нет, свидетель.

Окуньков кивает с видом человека, чьи самые худшие подозрения начинают оправдываться:

– Так и думал... Часто он тут бывает. Поварешки берет серебряные, ложки какие-то чудные... Зачем?.. Ведь та же поварешка в хозяйственном рубля три стоит.

– С серебра кушать полезно, – доброжелательно улыбаюсь я и, надеясь на наблюдательность Окунькова, спрашиваю: – Речники в магазине бывают?.. В скупку не приходил человек в форме речника?

Борис смешно морщит нос, отрицательно крутит головой:

– Не видел. Спрошу у напарника. Если появится, задержать?

– Не надо. Узнай у товароведа, что за человек, и позвони мне. Кстати, товароведа как зовут?

– Вероника. По отчеству не знаю, – разводит руками Борис.

Для меня всякое имя имеет свой образ. Вероника – всегда ассоциируется с чем-то воздушным, утонченным. Когда вхожу в кабинетик товароведа-оценщика, этим ассоциациям приходит конец.

У шкафа перелистывает каталог Ювелирторга рослая красавица, чьи формы могли бы привести в восторг самого Рубенса. Со стены задумчиво улыбается пышная блондинка с гладко причесанными волосами, рекламирующая драгоценности. Двух красавиц на столь небольшое помещение явно многовато.

– Что у вас? – с профессиональной вежливостью в голосе спрашивает Вероника.

У меня есть удостоверение, и я показываю его. Вероника тем же тоном предлагает сесть и интересуется, чем может быть полезна.

– Вам направляли список драгоценностей...

– Да, мы получали, – соглашается товаровед.

– Из того, что указано в списке, что-нибудь поступало?

Это я спрашиваю на всякий случай, так как в сопроводительном письме Валентины была просьба немедленно сообщить, если кто-нибудь принесет ценности, похищенные из квартиры Стуковой.

Вероника неопределенно пожимает плечами и начинает переключать на столе бумаги. Затем, виновато улыбнувшись, выдвигает ящик.

Удерживаюсь от реплик. Хотя очень хочется высказать свое мнение по поводу отношения некоторых граждан к письмам правоохранительных органов. Особенно к таким. Оно должно лежать на самом видном месте. Под стеклом.

Гляжу на перетряхивающую содержимое ящиков Веронику и убеждаюсь, что не зря заглянула в «Топаз».

– Вот оно! – победно восклицает Вероника, вытягивая на поверхность лист бумаги со знакомым угловым штампом нашей прокуратуры. – Я же говорила, мы получали!

Хмыкаю с изрядной долей сарказма, и щеки Вероники покрываются румянцем, пробивающимся сквозь плотный слой тон-крема.

– Извините, столько документов... За всем невозможно уследить. А я еще болела полторы недели.

Предлагаю вместе проверить, не сдавались ли в августе драгоценности Стуковой. Вероника облегченно вздыхает и подает большую книгу:

– У вас изделия с камнями, у меня – без...

Работаем в полной тишине. Идиллия.

Натыкаюсь на браслет с гранатами, который сдал в магазин некий Карпов В. Е. Сдал четвертого августа.

– Стоп! – вырывается у меня.

Вероника привстает и заглядывает в книгу:

– Это я принимала...

Смотрю на ее растерянное лицо. Прошу отыскать квитанцию. Вскоре квитанция у меня в руках.

Карпов Виктор Егорович, проживающий по улице Буксирной. Это остановочная площадка «Речпорт»! Опять третья зона! Неужели тот самый капитан?!

– Как он выглядел?

Вероника очень хочет помочь. Она закусывает губу, стискивает пальцы, на лице – сосредоточенность.

– Не помню... – жалобно говорит она. – Обыкновенно выглядел. Невысокий.

Будь у меня рост, как у Вероники, мне бы и мой Толик казался маленьким, несмотря на его сто восемьдесят один сантиметр. Вот и принимай свидетельские показания за чистую монету. На все приходится делать поправки: на образование, возраст, жизненный опыт, профессию и даже на рост.

– А приметы? – уже теряя надежду, спрашиваю я.

Результат тот же – никакого результата. Слишком много людей проходит перед глазами товароведа-оценщика ювелирного магазина.

– Браслет не продан?

Вероника оживает:

– Нет. Принести?

– Желательно.

Вернувшись, она кладет передо мной небольшую коробочку. Коробочка древняя, вероятно, еще из запасов родителя покойной. Серая тисненная кожа истерлась от прикосновений множества рук, уголки оголились до дерева, медный замочек позеленел и при нажатии издает тоненький писк.

Браслет красив. Так и хочется примерить. Он словно сделан для моей руки. Его золотое тело усыпано множеством больших и малых гранатов. Едва открываю коробочку, камни брызжут в глаза темно-красными лучами. Цвет гранатового сока и цвет густеющей крови.

14

Вырываюсь из плена светофоров на Бердское шоссе. Тени тополей падают поперек трассы, делая ее полосатой, как шлагбаум. Слева, на насыпи, показывается хвост электрички. Появляется желание обогнать. Прибавляю скорость и очень радуюсь, когда удается выскочить на открытое пространство у реки Иня вровень с головным вагоном.

Бедная Инюшка! Совсем пересохла. Ничего не поделаешь – конец лета. За зиму наберешься сил и весной снова прильнешь к ивам, горестно склонившимся от разлуки с тобой.

Бросаю взгляд на электричку, застрявшую на остановочной площадке, и мчусь дальше. А собственно, куда я мчусь? Непроизвольно притормаживаю. К Карпову? Конечно. Он же сдал браслет. Значит, не исключена причастность к смерти Стуковой... А вдруг он и есть убийца? Тогда я должна задержать его. Но одной, без опергруппы, делать это, по крайней мере, глупо... Зачем же я еду? Надо поразмыслить, какие у меня доказательства причастности Карпова к

убийству. То, что Речпорт находится в третьей зоне пригородного сообщения, мало. То, что какой-то речник беседовал со Стуковой накануне ее смерти, тоже немного говорит: во-первых, речников пруд пруди; во-вторых, почему я решила, что Карпов – речник? По названию поселка? Но это мне только раньше казалось, что там должны вытягивать свои длинные шеи могучие портовые краны, тесниться баржи и дымить толстые буксиры, потом я с огорчением узнала, что романтическое название – всего лишь дань жителям поселка, речникам, для которых он и был когда-то построен. Сейчас в поселке много и других граждан, самых разных профессий... Зачем я себя успокаиваю? Ведь не исключено, что именно Карпов убил Стукову. Ну и что? Я же не собираюсь лезть напролом. Побеседую с соседями. Выясню, что за человек этот Карпов. В любом случае пригодится... Почему же браслет сдан в магазин через день после убийства? Возможны варианты: Карпов – наглый, уверенный в безнаказанности преступник; Карпов – глупый преступник; Карпов – не убийца, а браслет попал к нему каким-то другим путем; Карпов не сдавал браслет, это сделал кто-то другой, воспользовавшись его документами...

В поселок ведет раскисшая от дождей грунтовка. Сворачиваю на нее. Поглядывая на номера домов, продвигаюсь по Буксирной. Крутой спуск – и я у подъезда двухэтажного здания из потемневшего от времени бруса. Белая эмалированная табличка с номером 22 заставляет меня затормозить и выключить двигатель. Выпрыгиваю из «Нивы» и тотчас ощущаю на себе пристальный взгляд.

В тени дома, на лавочке, сидит старушка во всем черном. Сидит и, поджав синеватые ниточки губ, с неприязнью смотрит на мир. Попав в поле ее зрения, ежусь. Впечатление, подобное тому, что испытываешь на пляже. Знаешь, что купальник в полном порядке, что рядом лежит масса не менее загорелых девушек, но в момент, когда скидываешь сарафан и приобретаешь обычный пляжный вид, обязательно плянется какой-нибудь толстяк с глазами-маслинами.

Доброжелательно улыбаюсь и подхожу к старушке в черном. Здравуюсь. Она почти не раздвигает полосочки губ:

- Доброго здоровьица.
- Вы давно тут живете?
- Давно.

Пытаюсь найти общий язык:

- Хорошо у вас... Чистый воздух, река...
- Воздуху много, сырости тож хватает.
- Должно быть, вы здесь всех знаете? – захожу издалека.
- Знаю... кое-кого.
- А семью Карповых?

Не скрывая скептицизма, старушка в черном проводит взглядом от свободно распахнутого воротника моего комбинезона до щиколоток, потом произносит:

- Была семья. Сейчас нету. Разводятся они.
- А Виктор Егорович живет здесь? – осторожно спрашиваю я.
- В плаваньях. Али сбежал к какой...

Говоря это, старушка в черном подозрительно шурится, но, стрельнув в сторону глазами, вдруг привстает, елеин улыбається и сообщает кому-то за моей спиной:

- Вашим, Тамара Андреевна, супругом гражданочка интересуется.

Оборачиваюсь. Жена Карпова стоит, уперев руки в то место, где, по моим предположениям, должна находиться талия. Сбоку угрожающе покачивается увесистая сетка с продуктами.

Положение становится серьезным. Надо выкручиваться. Натянута улыбаюсь:

- Я из Баскомфлота.

Как-то мне приходилось слышать, что именно так называется профсоюзный орган речников, и теперь это пригодилось. Вижу недоверие в больших глазах женщины и добавляю:

– По поводу вашего мужа.

Руки Тамары Андреевны устало опускаются, глаза становятся печальными:

– Пойдемте...

Поднимаясь следом за ней по округленным множеством ног ступеням, размышляю, почему соврала. Прихожу к выводу, что виновата интуиция. Лучше, если я поговорю с Карповой не как следователь, а как представитель Баскомфлота. Появление следователя может насторожить ее, обострить и без того, видимо, непростые отношения в семье.

Расположившись на диване рядом с Тamarой Андреевной, жду, когда она перестанет нервно сжимать и разжимать руки. Она справляется с собой, спрашивает:

– Вы читали мое заявление?

Смущенно киваю. Карпова торопится поделиться своим несчастьем:

– Только бы квартиру дождаться. Дня с ним жить не буду. Дом наш попадает под снос, вот и мучаюсь с ним в одной берлоге...

Незаметно оглядываю «берлогу». Светлая, довольно уютная квартира. Правда, многовато мебели, ковров, хрусталя. Скорее всего, это призвано свидетельствовать о благополучии семьи. Но, к сожалению, говорит лишь о недостатке. Пыль на мебели, плохо протертый пол, мятые шторы – все кричит о разладе, о том, что семейный очаг стал ничьей территорией.

– Он уже и на развод подал, – продолжает Карпова. – Нашел, поди, кого-нибудь помоложе... Зарплату утаивает. Я в бухгалтерию ходила, справлялась. Он несколько месяцев по полсотни рублей и больше домой не доносил. Да и когда он дома бывает?! Ни по хозяйству, ни с детьми... Нет, точно он кого-то нашел... Я тут проверила у него пиджак... Хотела посмотреть, не прохудились ли карманы... Браслет нашла! Золотой с красными камнями! Кому?! Точно – любовнице!

– Нельзя ли на этот браслет взглянуть? – спрашиваю я и тут же вспоминаю, что я не следователь, а представитель Баскомфлота.

Карпову мой вопрос не настораживает. Она принимает его за простое женское любопытство. Всхлипывает, и ее плечи начинают безутешно вздрагивать:

– Да где же я его возьму?! Да подарил он уже, наверное, любовнице своей...

– Когда вы нашли у него браслет?

– В конце июля, – сквозь слезы отвечает Карпова.

Выясняю, когда должен вернуться из плавания ее муж, и, заверив женщину, что мы с ним разберемся, прошу:

– Мне кажется, лучше, если Виктор Егорович не будет знать о нашем разговоре.

– Не скажу, – выдавливают Карпова.

Сбегая по ступенькам, с ужасом думаю, неужели и я когда-нибудь стану такой?! Но женщину мне жалко...

Каким образом браслетик оказался в кармане Карпова еще до смерти Стуковой?! Эта мысль не дает мне покоя до самого дома.

15

В просторном зале ресторана гремит музыка. Отыскиваю взглядом своих друзей. Они поглощены холодными закусками и беседой. За моим продвижением, хмурясь, следит лишь Толик. Поскольку я опоздала, виновато улыбаюсь.

– Ларка пришла! – обрадованно восклицает Люська. – Наконец-то, я уже вся испереживалась.

Ее супруг, Василий, поддвигает мне тарелку, наливает «Золотистого». Маринка ерзает на стуле, так не терпится представить своего капитана – красивого брюнета с чуточку капризным изгибом рта.

– Лариса, моя старая и лучшая подруга, – говорит Маринка. – А это Слава...

Брюнет встает, одергивает и без того хорошо сидящий серый костюм-тройку, по-гусарски склоняет голову:

– Ростислав Владимирович Марков.

Он настолько галантен, что выходит из-за стола, приближается ко мне, и не остается ничего другого, как протянуть ему руку для поцелуя. Перед моим лицом мелькает пышная шевелюра с наметившейся лысинкой на самой макушке. С чувством исполненного долга Марков возвращается на место. Маринка тут же шепчет:

– Слава, ты знаешь, Лариса у нас работает...

– Юристом, – с улыбкой заканчиваю я.

Маринка тушует. Видимо, вспоминает, что я неоднократно просила не представлять меня при знакомствах следователем. Не люблю. Чувствую себя неловко под изучающими и любопытными взглядами новых знакомых. Да и их моя профессия как-то невольно сковывает.

Я приступаю к салатам. Но вскоре звучит наигранно бодрый голос диск-жокея: «А сейчас, дорогие друзья, мы с вами посетим берега лазурного моря, побываем на популярном фестивале эстрадной песни! Этого певца вы узнаете сразу!»

По залу растекается приятный, чуть хриловатый голос, и я многозначительно смотрю на своего любимого. Поднимаюсь и увлекаю на свободный пятачок зала. Наши уже здесь. Маринка сияет. Ростислав производит впечатление. И не подумаешь, что ему далеко за тридцать. Танцует элегантно и современно. Василий же тратит много энергии, но все равно напоминает весело марширующего пехотинца и резвящегося медведя одновременно. Толик размахивает расслабленными, словно плети, руками и почти не двигается. Но вот музыка, а вместе с ней и мучения моего любимого заканчиваются. Не успеваем возвратиться к столу, как диск-жокей томно шепчет в микрофон: «А теперь старое доброе танго...»

Неожиданно Марков оставляет Маринку и, мягко взяв меня за локоть, приглашает на танец. Маринка ловко подхватывает упирающегося Толика. Зная подругу, понимаю – усилия моего любимого бесполезны. Ему остается лишь кисло морщиться.

Танцуем мы почти в классическом стиле. Прикрыв глаза, представляю себя в нежно-розовом воздушном платье, партнера – в строгом черном фраке, похожим на гордого стрижа. Мне даже начинает казаться, что его рука лежит на моей талии чуть выше и не так настойчиво прижимает к себе.

Открываю глаза и вижу краешек уха склонившегося ко мне Ростислава. Ухо зеленое. Но музыка меняет тональность, и оно становится бордовым от всполохов, сопровождающих мелодию прожекторов. Громко спрашиваю, как Маркову нравится моя подруга. Он слегка отстраняется:

– Прелестная девушка...

Проявляю настойчивость:

– Надеюсь, у вас серьезные намерения?

Ростислав негромко роняет:

– Мои намерения всегда серьезны.

Ответ слишком общ, а я, как истинная женщина, люблю определенность. Мой партнер обескураженно переспрашивает:

– Как далеко они заходят?.. Да-а... Настоящий вопрос юриста...

– Вопрос подруги, – лукаво уточняю я, продолжая смотреть в глаза Маркова.

– Вы так обеспокоены судьбой Марины? – хорошо поставленным баритоном говорит он.

– Очень. Хотелось бы знать, какие чувства вы к ней испытываете.

– Сложный вопрос, – после длительного раздумья произносит Ростислав и, как бы извиняясь, добавляет: – Марина – девушка симпатичная, но узнать человека за столь короткий промежуток времени...

Перечисляю достоинства подруги:

– Умна, эффектна, коммуникабельна, разбирается в литературе, искусстве, прекрасная хозяйка... Или вы женаты?

– Что вы? Бог миловал... – сбивается с такта Марков.

– Вы против создания семейного очага?

– Ни в коем случае!

– У вас нет условий?

– Почему же?! У меня двухкомнатная кооперативная в центре.

– Значит, большие расходы, – сочувствую я.

– Моей зарплаты хватает и на квартиру, и на машину, и на дачу.

– У вас даже дача есть?! – имитирую восторг.

– Да... В Матвеевке. Прекрасное место.

– Это третья зона пригородного сообщения? – вырывается у меня.

Марков смотрит непонимающе, поводит плечом:

– Я на электричке редко езжу... Но, кажется, да, третья...

Теперь уже я сбиваюсь с такта.

В памяти всплывает хриплый бас Малецкой-старшей: «...Прогуливалась с интересным молодым человеком в морской форме... Высок, подтянут, лицо интеллигентное... Скорее даже речник...»

Марков явно смущен моим настойчивым взглядом. Он начинает коситься, проверяя, в порядке ли костюм. Торопливо роняю:

– Вы так похожи на одного человека...

Он успокоенно вздыхает:

– Просто у меня лицо ординарное.

– Не сказала бы... Внешность у вас запоминающаяся.

– Когда такое говорят женщины, я начинаю бояться, – игриво отвечает Марков.

Танго кончилось, и мы возвращаемся к столу.

Василий расправляет плечи, окидывает взором нашу компанию, отмахивается от пытающейся помешать ему Люськи, встает. Люська делает трагическое лицо и сообщает громким шепотом:

– Стихи читать будет.

Василий не реагирует на реплику. Притронувшись к кончику мясистого носа, произносит заунывным басом:

– Из цикла «В объятиях Морфея»...

Все заинтригованы. Он прокашливается и начинает:

Угас последний луч заката,
ночь наклонилась надо мной
и обняла меня, лаская,
своей прохладною рукой.
И я уснул, и все забылось,
все было словно не со мной,
как будто жизнь мне только снилась
или промчалась стороной...

Толик подпирает щеку ладонью, задумчиво произносит:

– Хорошие стихи...

Василий порывается познакомить нас с еще одним стихотворением из того же цикла, но Люська дергает его за рукав:

– Садись ты, Морфей, люди смотрят...

Через несколько минут она придвигается ко мне и жалуется:

– Никакого сладу. Ночью проснусь, Васьки нет. Гляну, из кухни через щелочку свет пробивается. Сидит в одних трусах и строчит. Ни дать ни взять – роденовский «Мыслитель».

Улыбаюсь, представив Люськиного супруга, занимающегося сочинительством в просторных сатиновых трусах. Удивительное дело! Такой пышущий здоровьем и жизнерадостный мужчина, имеющий жену, детей, работу, а пишет стихи. Причем грустные. Стихи, которые никто не жаждет печатать. Вместо гонораров получает упреки жены и все равно испытывает радость творчества.

– Горячее несут! – звонко сообщает Люська.

После горячего звучит блюз.

Танцую с Василием и рассматриваю рисунок его галстука.

– Что новенького в преступном мире? – хмыкает он.

Чтобы видеть лицо партнера, запрокидываю голову:

– Старушек убивают.

– Да ты что?! Где это?

Называю адрес, где проживала покойная. Василий удивленно тянет:

– Да это ж Аркашкин ЖЭУ!.. Соседа нашего по даче. Да и Люська в этом ЖЭУ раньше работала.

Как тесен мир! Пользуясь случаем почерпнуть информацию, равнодушным голосом произношу:

– И как вы с ним уживаетесь?

– А че? Нормальный мужик...

Я уже не слышу ни музыки, ни голоса Василия. Мысли сосредотачиваются на наборе фактов: ключ от квартиры убитой был у Аркадия Федоровича, указание произвести опись имущества дал он же, дача у него рядом с Нефедьевыми, то есть на остановочной площадке «Юбилейная». Все та же третья зона!

– Жену на участке не увидишь, она с детьми возится, – доносится бас Василия. – У них трое пацанов. Вот Аркашка упирается. Короче, мужик что надо.

После танца подсаживаюсь к Люське. Она подозрительно смотрит:

– Чего это тебя мой бывший начальник заинтересовал?

Укоризненно поджимаю губы. Люська немного обиженно отвечает:

– Вечно у тебя секреты... Занудный он. Скряга. Когда я в ЖЭУ работала, почти год всем коллективом из него деньги на новую мебель выжимали. Страдал, будто свои выкладывал. И дома такой же. Дачу бы его видела – халупа! Жена мне его рассказывала: привезла из командировки кофемолку, так он ее чуть из дома не выгнал, заставил продать, дескать, зачем мне эта хреновина, чаю зеленого попьешь.

Закидываю удочку:

– Наверное, и с жильцами такой?

– Не говори! Месяцами за какой-нибудь ерундой ходят. Правда, если старик или старуха, сразу весь дефицит выкладывает. Дескать, старость уважать надо, откуда у пенсионеров деньги, чтобы сантехнику в магазине приобретать, – Люська возмущенно фыркает. – Нет у них денег! Одной старухе чуть не каждый месяц что-нибудь меняли, все за бесплатно. А у нее, говорят, перстень чуть не за сто тысяч!

Над столами появляются струйки дыма, но официанты делают вид, что не замечают курящих. Марков тоже осторожно курит. В блюдечке, приспособленном им под пепельницу, уже лежит докуренная только до половины сигарета. Разглядывая ее, убеждаюсь, что это «Опал».

Вижу, что Толик совсем приуныл, и приглашаю его на вальс. Он вздыхает, послушно выбирается на открытое пространство.

После вальса – кофе.

Гурьбой покидаем ресторан. На улице Люська тоненько выкрикивает:

– Хорошо-то как! Теперь только в безалкогольные и будем ходить! Спокойно: ни хулиганов тебе, ни пьяни всякой. Поели, повеселились – и домой!

Василий искоса смотрит, но ничего не говорит. Марков поддакивает Люське:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.